

голос Вечности здесь превращается в барабанный бой и звяканье бубнов; идея вечного возвращения – в карусель; гордый дух отрицания – в деревянных львов, подставивших свои спины под зады мастеровых.

Кроме “сниженно материализованных” образов и тем “Заратустры”, в явно пародийном контексте употреблены Белым названия других важнейших работ философа.

“1. У Поповского болели зубы: он был по ту сторону добра и зла, равно забыв Бога и черта” [2, с. 299]. Эссе Ницше “По ту сторону добра и зла” (1886) – резкая критика современной европейской философии, религии, искусства, науки, морали, низведенных до уровня обслуживания масс, которые в сущности ничего и не хотят, кроме удовлетворения самых примитивных желаний. Мощный пафос Ницше, направленный на это “ничего нехотение” буржуазного общества, у Белого сосредотачивается на тщедушном человеке, который тоже ничего не хочет, не помнит ни Бога, ни черта, потому что у него болят зубы и ему не до “высоких материй”.

Встречается в “Симфонии” и название одного из самых скандальных произведений Ницше – “Человеческое, слишком человеческое” (1878). Отличительная особенность этого произведения – “зычный цинизм и реки брани в адрес (...) общезначимого” [10, с. 790]. У Белого фраза Ницше используется для характеристики персонажа диалектической противоположной, толстовской ориентации, т.е. эффект пародирования достигается соединением несоединимого. “1. Шел странник с котомкой за плечами; его узенькая, седенькая бороденка задорно выставилась вперед, излучая радость всепрощения. 2. Уже позади него оставался сосновый лес. Над зелеными соснами стояло благословляющее солнце (...) 7. Он был себе на уме, и ничто его не удивляло. Удивление считал он человеческим, слишком человеческим...” [2, с. 320].

Ницше-кучер; сумасшедший, открывший в больнице бездну и помещенный за это “куда не следовало”; идеи центральных книг Ницше, получившие материализованно-карикатурное воплощение; каламбурное обыгрывание образов и выражений философа и прочее позволяет говорить о том, что в “Симфонии” Белого содержится пародия на одного из кумиров, чье имя символизирует целый комплекс идей, лежащих в основе самосознания и мировоззрения автора “Симфонии” – на Фридриха Ницше.

Имя другого кумира Белого – Достоевского – появляется во 2 части “Симфонии”. Московские мистики считают себя его учениками, и в их разговорах слышатся интонации Хлестакова, говорящего о своей дружбе с Пушкиным: «7. Иной раз можно было видеть чудака, похлопывающего по “Братьям Карамазовым”, раздражающегося таки-

ми словами: “Федор Михайлович загадал нам загадку, и мы теперь ее разгадываем”. 8. Такие все были шутники, право, что и не приведи Бог с ними встретиться» [2, с. 309].

Здесь, безусловно, пародируется не сам Достоевский, не его знаменитая речь о Пушкине (ср. заключительные фразы этой речи – “Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем” [11, с. 149] – с речами московских мистиков из “Симфонии”), не его роман, наряду с “Идиотом” любимейший роман Белого; здесь высмеиваются поверхностные интерпретации, мнимое глубокомыслие и безответственное манипулирование идеями Достоевского. Но в тексте “Симфонии” неоднократно встречаются травестийные образы и пародийные интерпретации выражений из произведений Достоевского. Например, бегающий по улицам сумасшедший, который протыкает шилом старушку-богоделку, – это, конечно, новое воплощение Раскольникова: “Толковали о последних временах: видели в появлении протыкателя как бы знамение Антихриста” [2, с. 310]. Но это грозное предположение буквально тонет в гротесково-пародийном контексте: нео-Раскольникову противостоят полчища беззубых олицетворений старого мира – шестьсот старушек, да еще богадельня оказывается общей, и в ней, помимо старушек, живут и шестьсот старичков. Воистину – “Всех не попротыкаете!”

Кроме того, задорный выкрик безумного истребителя старух: “Нас много на Руси”, – сопровождается следующим комментарием: “4. И тут как бы в подтверждение безумных слов выяснилось, что подвальные помещения дома Расторгуевых на Солянке начали заливаться нечистотами” [2, с. 310]. Бунт сверхчеловека, преступившего божественные и человеческие законы, сопоставляется с “канализационным безобразием”.

Столь же очевидна травестийность использования Белым одной из ключевых фраз романа Достоевского “Братья Карамазовы”, которая входит и в название одной из глав (Ч. I, кн. 3, гл. 5) – “Вверх ногами”. У Достоевского эта фраза звучит в следующем контексте: Митя исповедуется Алеше: “(...) если уж полечу в бездну, то так-таки прямо, головой вниз и вверх ногами, и даже доволен, что именно в униженном таком положении падаю и считаю это для себя красотой. (...) Пусть я проклят, пусть я низок и подл, но пусть и я целую край той ризы, в которую облекается бог мой; пусть я иду в то же самое время вслед за чертом, но я все-таки и твой сын, господи, и люблю тебя, и ощущаю радость, без которой нельзя миру стоять и быть” [12, с. 99]. Перед нами настоящий гимн Богу, особенно значимый в устах человека, стоящего на краю бездны, погрязшего в разврате